

Капканы сработали в пяти километрах от поселка. Следы двух волков уходили в плотные заросли колючего кустарника. Ночью шел снег, но бороздки от потаска, небольшого бревнышка, крепившегося на цепи к капкану, было видно хорошо.

Мы с Юрием Григорьевичем направлялись к озеру Доруг-Холь: надо было посмотреть строящуюся базу учебно-охотничьего хозяйства. А по пути решили вот проверить капканы.

– На машине по этой чаще не проедешь, – сказал Никитин, поглядывая на предзакатное солнце. – Придется возвращаться и пересаживаться на снегоход. Осмотры строений отменяются, надо тропить след. Угораздило же!

– А много на вашем счету их? – спрашиваю, а в голове – как бы напроситься на поиски.

– Душ пятьсот, а может, и больше. Работа наша такая.

След одного волка вытропили. Из кустарника зверь вышел на дорогу к Доруг-Холю, свернул к лесосеке и поднялся в гору. Напротив, через лог, виднелись темные скалы урочища Кара-Хая. Снегоход дальше пройти не мог, к тому же смеркалось.

– Завтра будем обрезать следы на лыжах. Так и быть, есть у меня вторая пара, – обрадовал меня Никитин.

На следующий день мне выдали обмундирование: рюкзак и охотничьи лыжи, подбитые камусом. И правила: в лесу громко не разговаривать, снег не есть,

в случае обнаружения следа идти без остановки. Безо всякой демократии. Я была согласна на все. На узике доехали до вчерашнего места. Вот уже и Кара-Хая – Черная скала. Сквозь голую лиственницу на фоне белого снега хорошо видны скалы-останцы.

План был такой: пройти на лыжах вдоль ключа и скал к солнцепекам, чтобы там пересечь след зверя. Никитин нарисовал на листке несколько направлений, куда мог двигаться волк, и мы стали отрабаты́вать первый вариант.

Идущий впереди шагает по целику – нетронутому снегу, утаптывает его, торя дорогу. Второй идет уже накатом. Второй была я. Мартовское солнце не щадило, ветки лезли в глаза и уши, оставляя отметины на лице, лыжи не слушались и норовили бороздить свою дорогу. Несколько падений на спусках и завалах, как посвящение. Через четыре часа партизанских лазаний остановились на привал. На пути – следы соболя и кабарги, проваливающейся всем телом в снег, в двадцати метрах от нас грациозно промчались две косули, даже рысь где-то перебежала дорогу, но нужной бороздки от потаска так и не было.

Расчищая снег для костра, Никитин рассказывает: – Волк – самый хитрый зверь. У него есть элементы рассудка, он как бы анализирует ситуацию: если на его тропе что-то не так, палочка, например, по-другому лежит, он свернет. Тропы у него

разные: на охоту – одна, в логово – другая. По глубокому снегу стая всегда след в след идет. Экономия сил. Поймает охотник волка – поймает любого зверя. Если бы волки каждый год меняли логово, они были бы непобедимы.

Я даже не заметила, как он успел соорудить на заснеженной колодине сиденье из лыж, перевернутых вверх камусом, а пока я возилась со своими, у него уже горел костер и на тагане висел чайник.

– Мы можем и не найти его?

– Найти-то найдем. Только вопрос – когда? Охотники иногда по неделе за волком гоняются. Или такой вариант: он отгрызет лапу и уйдет. Тогда нам достанется только капкан с потаском. Лапу отгрызает, когда сил уже совсем нет. А сил в нем немерено.

Я вспомнила вчерашнюю картину: когда искали след на «Буране», видели в кустах коосулю, задранную волками. Только клочья меха – ни костей, ни шкуры, ни кровинки. Все подчистую сожрали. Видимо, после сытной трапезы двое и угодили в капканы. Или до?

– А как стая реагирует, когда кто-то в капкан попадает?

– Уходит. Волки слабых выгоняют из стаи, а попавший в капкан – инвалид. Отныне он одиночка, выживает сам как может. Но если в капкан попала волчица, волк будет рядом с ней. Волки порядочнее людей – пару создают на всю жизнь.

Значит, в капкан попал волк, иначе рядом были бы отпечатки здоровой пары лап. Пройдя вдоль скал, мы так и не встретили его следа, так что пришлось вернуться своей лыжней к машине.

Обрезать след не получилось, волк не дошел до Кара-Хаи, и с утра нам предстояло идти за ним прямо по следу, пешком, без лыж, спускаться с горы по валежнику.

Я двигалась по следу Никитина, проваливаясь по пояс в снег и с каждым разом все труднее выкарабкиваясь из него. Он – по волчьему. Валенки намокли и отяжелели. Кандалы, а не валенки. Спустившись к наледи, увидела капельки свежей крови и застывшего над ними Никитина. Он приложил палец к губам: не шуми. Волк отлеживался здесь, а услышав нас, побежал.

– Теперь останавливаться нельзя, иначе уйдет. Иди потихоньку, как можешь, – сказал мне Никитин и скрылся меж деревьев.

Как могла, передвигала свои «кандалы» и переваривала мысли. Волк уже почти неделю бежит с капканом – так сказал Никитин после изучения

следа от потаска. Не ест, не спит. Откуда в нем силы? А в этом человеке, тридцать с лишним лет гонящемся за волками, они откуда? Говорит, молодой был – два волка в день брал. Солнце вот-вот зайдет, лес становится мрачным. Светового времени не больше часа осталось, а ведь нам обратно идти в гору. В валенках, которые норовят навсегда замуроваться в снег.

Никитин вскоре вернулся. Не догнал. Уже слышал звук капкана, задевающего дерева, но волк, видимо, еще силен, скорость хорошая. Если бы мы сразу пошли по этому пути, зверь был бы наш. Но кто знал, что он будет отлеживаться на этой наледи несколько дней?

Третья серия предстоит завтра.

Утром настрой был боевой. Ничто не напоминало о вчерашнем штурме горы в потемках, ноги с легкостью катили лыжи.

Теперь мы обрезали свой собственный след, скользя по озеру. Никитин как-то высчитал: если мы обогнем озеро и поднимемся вверх по сопке, то в каком-то месте выйдем на свой след и след волка соответственно. Расчет был точным. Через пару часов мы были в том месте, где Никитин вчера прибавил скорости и сиганул за волком.

Зверь уходил в гору. Значит, у него есть силы. Снег начал подтаивать и налипать на лыжи, замедляя движение. Вверх-вниз, вверх-вниз, волк и не думал сдаваться. Нет, это не я гонюсь за ним, а он меня загоняет. Я представила того охотника, который неделю может преследовать этого зверя по непролазным дебрям и горам, его злость и ярость. Кто выйдет победителем из этой гонки? Кто кого изведет? Это соревнование силы духа. Потому и нельзя останавливаться, чтобы волк не почувствовал слабину человека.

Тараню лбом колючий кустарник, ветки так сцелили меня, что от внезапного рывка оказалась лицом в снегу. А в голове только одно: где этот волк?!

Подняв голову, вижу Никитина, вскинувшего ружье. Зверь, перегрызая ветки, пытался выдернуть застрявший в кустах капкан. В трех метрах от нас. В его глазах – признание поражения. В стиснутых зубах – мужество смерти. И ни звука после картечи.

На следующий день я уехала, а Никитин отправился тропить след второго волка. Звоню.

– Ну как?

– Нашел. Волчица. Недалеко ушла, потаск запутался в кустах.

Значит, в капканы попала пара.

Иначе рядом с волчицей был бы ее волк.